

КНИГУ Татьяны Егоровой об Андрее Миронове можно купить за 100 рублей. Если найдете по 85, считайте, что повезло. Бестселлер! Три тиража за полгода. Напечатано и распродано сначала 10 000, потом 20 000, потом еще 60 000. Так, во всяком случае, утверждают издатели.

«Любовная драма жизни. В главных ролях: Андрей Миронов и Татьяна Егорова», — набрано на авантитуле. Книга написана от первого лица главной героини Татьяны. Имя Миронова — на каждой странице. Имена других действующих лиц кажутся взятыми напрокат из воровского жаргона. В конце книги, правда, псевдонимы

частично добывается своего, хватая актрису «цепкой зверюшечей лапкой прямо между ног за это самое место». Хватает, потом о чем-то спрашивает, следует ответ и лишь потом: «Вы бы убрала руку, а то мне так стоять неудобно...» Трудно представить, чтобы женщина позволила столь ненавистному мужчине хоть секунду подержаться так, как это описано у Егоровой. Или все здесь неправда, или фантазия не прошла через горнило того самого литературного дара, который пробился на свет после того, как Миронов женился на Певунье: «он растрчивал свой блистательный Божий дар, трепал его в концертах, зарабатывая деньги, а я сконцентрировалась на даре литературном».

Некоторая излишняя серьезность к себе часто подводит то ли

Роман Татьяны Егоровой об Андрее Миронове

О СООТВЕТСТВИИ ГИГИЕНИЧЕСКОМУ СЕРТИФИКАТУ

Независимая газета, 2000. - 15 янв. - с. 7

мы раскрыты, почти все. А в самом конце, уже среди технических данных, редактор книги и директор издательства «Захаров» пишет самым мелким шрифтом, что «текст на стр. 441 не достоверен».

Книга Егоровой — роман. Поклонники книги, которых немало, уже успели сравнить ее с «Театральным романом». Оправдывая некоторые вольности повествования, называют написанное не воспоминаниями, а прозой.

Вот примеры художественного письма. «Мы попали в какое-то другое измерение, где не было ни материи, ни женского пола, ни мужского, только мелодия, напоминающая музыку Баха, нисходила на нас, вскрывала какую-то боль в недрах души, заливала ее и так же внезапно, как снизошла, исчезала», — это о первом любовном свидании Татьяны и Андрея в гостинице «Рига». Или: «И опять мы встречались глазами на территории панорамного зеркала, и эта маленькая территория панорамного зеркала заполнялась в дороге картиной несканного сада любви, где порхали и трепетали ресницами два голубых и два карих глаза». Увы, в книжке, где так много грязи сознательно выливается на голову виноватых и, вероятно, безвинных тоже, много обыкновенного словесного мусора. Никогда москвич не скажет (тем более не напишет!): «во всех подъездах на улице Сretenка». Сretenка она и есть Сretenка. Ясно, что улица. Или, в конце, — «в феврале месяце», через страницу: «в октябре месяце». Так что с прозой не очень получается.

Кроме как о Миронове и о «себе», автор много пишет о Ленине, причем с такой ненавистью («одеждаемый, с уже усыхающими мозгами»), что можно заподозрить Егорову в том, что она не может простить умершему вождю, что тот оказался чуть ли не единственным, кто с равнодушием отнесся к ее красоте и совсем не домогался. Все остальные — или домогались, или завидовали, или мечтали о ее теле, но боялись открыто сообщить об этом: «Я нравилась всем друзьям мужского пола. <...> Конечно, мужчине хотелось приобщиться не только визуально, но и физически к той, которая так будоражила всю гормональную систему». А Ленин и открыто не сообщал, и, кажется, даже не мечтал (смерть вождя для автора-героини смягчающим обстоятельством почему-то не становится). Чтобы досадить Ильичу, Егорова готова добрым гением избрать депутата Пуришкевича, матерные стихи которого она с удовольствием цитирует. Так же смело, как о Ленине, Егорова пишет и о советской власти в целом.

Теперь что касается воспоминательной части книги. Цель ее ясна, задачи очевидны: всех полить говном, кого-то ударить так, чтобы уже не встали, но главное — пройтись на этом светло- и темно-коричневом фоне в белом — в том самом белом платье, о котором так много она пишет в своей книге и которого так и не было в ее бурной «женской жизни». Александр Ширвиндт, может быть, и недостойный друг (речь — об Андрее Миронове) — чего стоят хотя бы его воспоминания о недугах Миронова, со многими физиологическими подробностями, опу-

бликованные еще при жизни Марии Владимировны. Но то, что пишет о «Шармёре» (под такой кличкой Ширвиндт проходит в книге почти до последней страницы, где — перед самым финалом — Егорову вдруг прорывает и она выдает несколько самых ненавистных настоящих имен) Егорова, — выходит за рамки приличий. Когда, признаться, уже неважно, правда описана автором или нет, — когда на первый план выходит мерзость вспоминающего, а не мерзость описанных мерзостей.

Замечательные рассказы художка Театра сатиры Чека о художниках определены как «гормональная атака». Описание Чека — «нижняя часть лица — тупой нос с широкими ноздрями и мясистая область под носом выдают низменную натуру» — кажется позаимствованным из антисемитских «физиогномий», которыми были завалены базарные лотки в начале века. Бытовало тогда представление, что еврейский нос с горбинкой уже обозначает низменную натуру. Оказывается, не забыто! Естественное в те голы посвящение премьеры «Бани» грядущему юбилею революции — комментирует: «не упускал возможности лизнуть». То, что иначе бы спектакль не пропустили, в расчет не берется.

Много — про Фрейда, особенно там, где про Марию Владимировну Миронову. Иногда — художественно: «Царь Эдип не будет счастлив со своей супругой Иокастой, а выколет себе глаза заколкой ее пряжки и уже в обработке господина Фрейда поселится в душе знаменитой артистки Марии Мироновой в виде психического комплекса». Тут что ни слово, то — художественное. Много — про эндокринологию, в которой, кажется, автор (или — героиня?) чувствует себя большим специалистом (даром, что родственники давали ей читать «таинственную запрещенную литературу» — Рерихов, трактаты о Савонароле, — узнала много новых слов, в том числе и из смежных областей знаний — однажды упоминает даже ДНК!). «Миронова была по характеру — конфликтер и даже на пустом месте распала бы причину для гнева, взрыва и оскорблений. Всем большой привет от науки эндокринологии!» Или — снова про главного режиссера театра: «он был чем-то раздражен, наверное, гормонально».

Широко разошлась цитата, которой заманивают, увлекая воспоминаниями Егоровой, — про «растление блудом», будто бы царившее в Театре сатиры: «намекнуть на роль, и артистки, толкаясь локтями, реутся в кабинет, на четвертый этаж, расстегивать ширинку, до дивана аж не успевали добраться». Несчастья актрисы-героини в театре, если верить автору, начались из-за того, что она пошла против всех традиций и отказалась расстегивать ширинку. Признаться, при описываемом характере героини и ее довольно свободном нраве, очень непонятно понять, отчего же тут вдруг она заартачилась. Единственное удобоваримое объяснение — ей слишком претил запах земляничного мыла, исходивший от мэтра. Но это мало имеет отношения к тому, что преподносится как высоконравственные заветы и самоотверженность.

Однажды Чек, правда, все-таки

автора, то ли героиню. Все, что к ней обращено, — воспринимается чересчур всерьез, что от нее исходит — может быть и так, и эдак. Подробно она приводит в книге все письма Миронова к ней, адресованные в Гагры и написанные во время отпуска. Первое, второе, третье. «На обратной стороне конверта вопль в форме шутки: «Жду ответа, как луна ждет ракету». А почему не шутка в форме вопля?!

С какого-то места повествование неотступно напоминает какую-то классическую историю. Напад на очередное «фэ» — из жизни во время пражских гастролей: «Артисты варят в номерах гостиницы на плитах омерзительные супы из пакетиков, а на сэкономленные деньги бегут в магазин — прикрыть голые задницы», обращая внимание на то, что это — о них, а не о себе. Они варят омерзительные супы и бегут прикрыть голые задницы, а она, героиня, в следующем абзаце стоит «с прямой спиной, улыбаясь всем, в новомодном джинсовом длинном костюме — юбка-банан, на ногах элегантные черные замшевые сапожки на тонком каблучке. В руках хрустальный бокал с коньяком». Оставим на художественной совести автора «бокал с коньяком», но, право, не вяжется этот новомодный костюм с прежде высказанным презрением к чужому желанию прикрыть голые задницы. Это презрение вызывает из памяти Ивана Александровича Хлестакова. Юрий Лотман очень верно заметил во вранье Хлестакова доминантное чувство презрения к самому себе, которое завравшийся Хлестаков с фельдмаршалских высот изливает на неких столоначальников и писаришек, по сути же — на самого себя. Подобного «вранья» в книге Егоровой много.

Много — про климат. То родная мама «взрывалась в своей женской перестройке», то другая, Миронова: «ей было 55 лет, и наша любовь тоже попала в особый период ее перестройки», «и мы с Андрюшей горели в ее перестроечных гормонах». Заглядывая в конец книги, где приведены скупые строки ее биографии, по всему выходит, что самой Егоровой в этом году — 55.

Много — о своих заслугах. Это она заставила Миронова расписаться с Певуньей, она обратила внимание Эфроса на Миронова, и т.д.

Можно сказать еще, что книга распадается на две части — до смерти Миронова и после. До — непрерывный и злобный рассказ, после — клочки воспоминаний, с большими перерывами, записи, наскоро сделанные в блокноте или дневнике и не соединенные в единое повествование. Много мистики — полетов с Мироновым на другие планеты, вытаскивание снега то ли во сне, то ли наяву. Много — про церковь, Бога, про Россию: «Господи, что стало с Россией? Какая бедная церковь!» Как всегда у русских, язычество и христианство предстают в неразрывной и запутанной связи.

В конце книги, там, где на всякий случай написали про недостоварность списка «действующих лиц и исполнителей», значится длинный номер некоего «гигиенического сертификата». Но обыкновенным гигиеническим нормам эта книга не соответствует.